

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА: БИОГРАФИЯ В НОВОМ РАКУРСЕ*

Выход каждого нового тома «Литературного наследства» неизменно становится событием для историков литературы, и это происходит на протяжении почти восьмидесяти лет — ведь в 2011 году редакция отмечает юбилей со дня своего основания. История издания заслуживает отдельного разговора, сегодня уместно вспомнить, что зародилось оно под сенью самого что ни на есть пропагандистского органа — журнала «Огонек»; более того, имело общего с ним издателя — Журнально-газетное объединение. Первый том «Литературного наследства» в 1931 году вышел под грифом РАПП и Института литературы и языка Комкадемии с предисловием, где разоблачалась «контрреволюционная» деятельность Пушкинского Дома и его отдельных сотрудников, а также выражалась пожелание, что новое издание станет не убежищем «архивных крыс», а «боевым большевистским органом, достойным тех задач, которые ставят перед наукой партия и рабочий класс».¹

Начав свою историю при таких напутствиях, как мы знаем, «Литературное наследство» эти надежды не оправдало и с первых шагов сумело зарекомендовать себя как одно из наиболее авторитетных в научном и текстологическом отношении публикаторов архивных материалов. В разные годы своего существования оно было и «убежищем» для опальных ученых, обеспечивая работой тех, чьи имена по тем или иным причинам находились под запретом — Д. И. Шаховского, С. Н. Дурьлина, Н. П. Анциферова, Ю. Г. Оксмана, Л. К. Чуковскую и др. Такой курс был задан его фактическим основателем и бессменным руководителем на протяжении многих лет И. С. Зильберштейном.

Завоеванные с первых шагов позиции издание не утратило и в дальнейшем, хотя превратности судьбы заставляли его существовать под самыми разными «крышами» до тех пор, пока оно не попало в лоно Академии наук. Здесь возникла кооперация с издательством «Наука», которая многое значила в укреплении авторитета «Литературного на-

следства»: она позволила ему стать образцом не только научной, но и издательской культуры, в чем свою роль сыграли и такие редко вспоминаемые ныне профессии, как редактор, корректор, техред и наборщик. Нет сомнения, что выходявшие в издательстве «Наука» тома «Литературного наследства» были для него во многом «своим» изданием.

В рамках гуманитарных академических изданий «Литературное наследство» заняло вполне самостоятельную нишу: обладая небольшим редакционным штатом, его руководители, а со временем к И. С. Зильберштейну присоединились С. А. Макашин и Н. А. Трифонов, оставили за собой право для подготовки каждого тома притягивать авторов по своему усмотрению, создавать временные и подвижные научные коллективы, что отличает его от изданий академических институтов.

Фетовский том «Литературного наследства» — третий, вышедший не в издательстве «Наука». Увы, об этом можно только пожалеть, особенно если сравнивать образцовые не только с точки зрения содержания, но и редакционно-издательской подготовки и полиграфической культуры четыре книги тома 92 «Александр Блок: новые материалы и исследования» (умышленно я не ставлю в этот ряд пятую книгу, подготовленную на том же высоком уровне, но выходящую в начале 90-х годов совсем в других условиях) с тремя последними томами — лесковским,² гончаровским³ и фетовским.

Речь идет не о претензиях к издательству ИМЛИ РАН, хотя явно на его совести большое число чисто глазных опечаток, с которыми вполне по силам справиться грамотному корректору, неточностей, уже отмечавшимися рецензентами,⁴ которых при прежней системе редактирования наверняка

² Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К. П. Богаевская, О. Е. Майорова, Л. М. Розенблюм. М.: Наследие, 1991—2000 (Лит. наследство. Т. 101. Кн. 1—2).

³ И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования / Отв. ред. С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. М.: Наследие, 2000 (Лит. наследство. Т. 102).

⁴ См. рецензию В. А. Кошелева (Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 337—340).

* А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. ред. Т. Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 992 с. (Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1).

¹ Лит. наследство. 1931. Т. 1. С. 6.

не было бы в томе, редакторской работы не хватало и комментариям, которые временами превращаются в защиту одного писателя от другого, что в прежние времена устранялось беспристрастными редакторами. Принятый в издательстве ИМЛИ РАН порядок работы над изданиями возвращает «Литературное наследство» к временам Жургаза, и это нельзя не отметить именно потому, что все публикации в «Литературном наследстве» носят фундаментальный характер, так что его публикаторы не имеют возможности для работы над ошибками.

Уход «Литературного наследства» несомненно является потерей и для издательства «Наука», поскольку за годы сотрудничества с авторитетными гуманитарными коллективами различных подразделений РАН оно выработало свой стандарт подготовки изданий, который не худо бы закрепить как своего рода академическое достояние, плод научной кооперации, поскольку он сыграл существенную роль в уникальной авторитетности того, что получило обобщающее название академических изданий. Этот стандарт особенно важно закрепить и конституировать теперь, поскольку руководство издательства «Наука» всеми силами старается нивелировать работу своих редакторов, ввести ее в производственные рамки массовых и коммерческих издательств. Редакторская работа над академическими изданиями подчинилась совершенно иным регламентам, например, в редакции журнала «Вопросы литературы» в свое время производилась даже сверка цитат, содержался штат библиографов. Когда мы сегодня восхищаемся уровнем научных изданий прежних лет, надо отдавать отчет и в том, что за ними стояла огромная не только научная, но и редакционная работа.

Не берусь утверждать, что уровень издательской культуры, достигнутый «Наукой», недоступен для новых издателях, это далеко не так. Но вновь возникающие частные или получастные издательства берутся за подготовку изданий по академическим образцам, в порядке личной инициативы, это в той или иной степени добровольное приношение на алтарь науки, поскольку ни о какой их коммерческой успешности речь идти не может. Плановая научная деятельность не может существовать на подобной основе.

В отличие от них для издательства «Наука» это была профильная деятельность, поддерживаемая государством, издательство было включено в общеакадемическую исследовательскую работу, продиктованную потребностями самой науки. Не будем забывать и о том, что до сегодняшнего дня публикация в изданиях «Науки» признаются ВАКОМ и рядом зарубежных учебных заведений при защите диссертаций, подобное признание не так легко заслужить, но легко утратить. «Литературное наследство», серии «Литературные памятники», «Памятники культуры» и др. в общественном сознании обладают

особым авторитетом, для поддержания которого необходимо сохранение уровня редакционной подготовки.

В новой издательской ситуации «Литературное наследство» неизбежно придется заново осмыслить принципы, по которым это издание формировалось на протяжении десятилетий своего существования. В прежние времена его уникальность во многом определялась и поддерживалась тем, что только здесь можно было вводить в научный обиход большие массивы архивных материалов, разного рода переписок, дневников, записных книжек, не представляющих непосредственного читательского интереса. Только «Литературное наследство» могло посвятить 10 томов специально наследию А. И. Герцена (т. 39—40, 41—42, 46—64, 96 и 99) или издать пятикнижие «У Толстого. 1904—1910. Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого (т. 90, кн. 1—5) и др.

Если оставить в стороне разного рода чисто идеологические табу, запреты на все «реакционное», «консервативное», «декадентское», «Литературное наследство» формировалось исключительно исходя из интересов истории литературы, обладало полной независимостью от читательского спроса и любых коммерческих задач. Отдельные тома могли годами пылиться на полках «Академ-книги», подвергаться уценке — в укор это никому не ставилось. Сегодня степень свободы увеличилась, добавилась независимость от идеологии и злобы дня и очередь дошла, наконец, до наследия Н. С. Лескова, А. А. Фета, литераторов Серебряного века, широко представленных в планах издательства. Перед изданием открывается буквально непочтатый край работы, поскольку к архивам целого ряда русских писателей и поэтов рука исследователей даже не прикасалась (например, к огромному архиву семьи Майковых, семьи Аксаковых и др.), надо только придать этой деятельности более или менее планомерный характер.

Наконец, сроки подготовки никогда, что называется, «не поджимали» коллектив издания, имевшего возможность тратить годы, а иногда и десятилетия на извлечение тех или иных материалов из архивов, в том числе и зарубежных, и на их подготовку и публикацию с академической тщательностью.

Сегодня часть этих привилегий утрачена безвозвратно: появились конкуренты на nive больших по объему публикаций, и особенно в табуированных прежде сферах. Например, издательство «Новое литературное обозрение» недавно выпустило переписку Вяч. Иванова с Л. Зиновьевой-Аннибал,⁵ подготовленную на самом высоком научном и полиграфическом уровне, в то время как посвященный Вяч. Иванову том «Литератур-

⁵ Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: 1894—1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 752 с.

ного наследства» значит только в ближайших издательских планах. Конкуренция на этом поле, видимо, заставит подвергнуть корректурке сроки подготовки томов «Литературного наследства».

Несомненно, будут подвергнуты корректурке и некоторые издательские принципы. В прежние времена «Литературное наследство» неукоснительно соблюдало правило публиковать только неизданные материалы, хотя отдельные отступления от него позволяло себе, например в блоковском томе 92, где отдельные письма или даже части переписки ранее появлялись в печати. Как показал этот опыт, во всех случаях публикации, даже если в строгом смысле слова их следовало бы назвать републикациями, приобрели научное значение, они либо включали документы в новый контекст, переписку, либо издавали их на качественно более высоком уровне, поскольку происходила сверка с автографами, комментирование и пр. Как представляется, «Литературное наследство» вообще не должно смущаться тем, что документ успел появиться в каких-либо второстепенных массовых изданиях. В свое время «Литературное наследство» имело возможность приостановить выдачу некоторых документов исследователям на время, пока идет их подготовка к изданию. Поскольку теперь такой возможности нет, опережающие публикации в массовых изданиях не должны служить препятствием для научной публикации документа. И еще — надо бы в выходных данных завести позицию «составитель тома». Ведь это отдельная и крайне трудоемкая задача, включающая и выявление документов, и поиск исследователей, которые отнюдь не толпятся в прихожей безгонорарной редакции «Литературного наследства» с готовыми публикациями. Словом, дожив до восьмидесятилетия и перевалив за рубеж зрелости юбиляру есть над чем подумать.

Но обратимся к фетовскому тому «Литературного наследства», который по составу можно назвать образцовым, поскольку все собранные здесь письма и переписки публикуются впервые. Всего редакцией «Литературного наследства» обещано опубликовать 1000 писем Фета. В вышедшем первом томе опубликовано пять эпистолярных комплексов: 4 письма Фета к его университетскому наставнику С. П. Шевыреву (публикация Т. Г. Динесман), 56 писем к ближайшему другу и родственнику И. П. Борисову (публикация Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой), 2 письма к И. С. Тургеневу (публикация Ю. П. Благоволиной), 200 писем переписки с другом и родственником В. П. Боткиным (публикация Ю. П. Благоволиной) и 234 письма переписки с Я. П. Полонским (публикация Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной).

Открывается том статьей Л. М. Розенблюм «Фет и эстетика „чистого искусства“», где эстетические воззрения поэта рассматриваются под новым углом зрения, не как пре-

дустановленное реакционной общественной позицией бегство от жизни с ее злобами дня, а именно как углубленное, но исключительно лирическое постижение и восприятие окружающего мира. Одной из примечательных тем статьи является указание на христианскую тему в публицистике и христианские мотивы в лирике Фета, которого несколько поколений биографов всячески стремились выставить чуть ли не атеистом. Л. М. Розенблюм не пытается противопоставить этому «четкое, окончательное определение религиозного мировоззрения Фета» (с. 41), а рассматривает его религиозные настроения в контексте религиозных исканий его великих современников, таких как Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов, как Я. П. Полонский, и на этом фоне характеризует Фета как «человека своего века со своим „матушимся сознанием“, в счастливые творческие минуты ощущавший силу „небесного притяжения“» (с. 41).

Открытия поджидают читателя на каждом шагу, едва ли не в каждом документе, очень скоро у него возникает ощущение, что мы впервые слышим голос человека, чьим именем подписаны не только гениальные стихи, но и воспоминания. Переписка помогает увидеть под новым углом зрения, понять особую задачу его воспоминаний, которые с момента их публикации непрерывно подвергались упрекам в сухости и пустоте. Несмотря на большой объем (три книги мемуаров «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни» вместе составляют около полутора тысяч страниц) и даже включение отдельных писем, воспоминания по существу не дают никакого представления о внутренней жизни Фета, об источниках его творчества, они передают только внешние факты его жизни, не предлагая никаких объяснений или мотиваций. Для поэтов подобные воспоминания не характерны, едва ли не единственный жанровый аналог воспоминаниям Фета, при всей разнице конкретного наполнения, мы находим в «Ракурсе к дневнику» А. Белого, полный текст которого в настоящий момент готовится к изданию в «Литературном наследстве». Переписка Фета как бы наполняет все то, что известно из воспоминаний, живой мыслью влады, горящими эмоциями и размышлениями, и приближая нас к личности поэта, не оставляет камня на камне от всех тех вымыслов и домыслов, которыми так долго пробаивались его биографы. Не случайно все без исключения рецензенты фетовского тома отмечали, что он читается на одном дыхании. Такой голос поэта мы действительно слышим впервые, открывая совершенно неизвестные стороны его жизни, узнавая о его духовных интересах и исканиях, литературных и эстетических размышлениях и вкусах, а также дружеских и родственных привязанностях (чего стоят письма к сестре Надежде, страдающей наследственным душевным недугом, забота после ее смерти о воспитании ее сына,

оставшегося сиротой и унаследовавшего душевный недуг матери).

Обилие и новизна сведений, которые мы по существу впервые узнаем из переписки Фета, вызывает даже удивление, поскольку он совсем не относится к числу малоизвестных или неизученных поэтов, вниманием биографов он не был обделен. Причины, по которым систематическая публикация эпистолярного наследия Фета началась только теперь, отчасти объяснимы. Решающую роль, несомненно, сыграли размеры его переписки и общее состояние фетовского архива, большая часть которого на хранение попала в поврежденном состоянии в середине 1920-х годов, случайно обнаруженная в брошенной квартире ее главного собирателя — Н. Н. Черногубова.⁶ Кроме того, как он сам, так и его корреспонденты обладали не самыми читаемыми почерками, так что в итоге и сегодня работа над материалами его архива является крайне трудоемкой. С точки зрения этих препятствий не возникает вопроса, почему все писавшие о поэте предпочитали пользоваться более доступными источниками.

Но в процессе чтения переписки Фета возникает твердое убеждение, что только она может служить прочным фундаментом для каких-либо концепций и без ее изучения просто невозможно обсуждать те или иные проблемы его жизни и творчества, поскольку в ней скрыты ключи к ним.

А спорных вопросов в биографии Фета всегда было и остается немало, достаточно памятны и дискуссии о происхождении Фета, о причинах смерти Марии Лазич, о том, насколько его брак с М. П. Боткиной был заключен по расчету. Эти темы развивали не только биографы, но и разного рода очеркисты, не забывавшие Фета в своих писаниях о литературе, в центре которых неизменно возникал контраст между помещиком и даже крепостником (каковым Фет, как выясняется, никогда не был, так как приобрел землю накануне отмены крепостного права и использовал исключительно наемный крестьянский труд, т. е. фактически был фермером) и тонким лирическим поэтом, ретроградные плевки в сторону Московского университета, наконец, женитьба на богатой невесте, атеизм и т. п. В прежние времена борьбу с этими общими местами биографии Фета одиночными усилиями вела Г. Асланова.⁷

Систематическая публикация переписки Фета показывает, как опасно ставить во

просы биографии и делать умозаключения с опережением, предварительно не изучив все сохранившиеся источники и документы, потому что некоторые из них способны представить его биографию в совершенно новом ракурсе, уничтожительным для торопливых суждений и концепций.

Ярким примером может служить то, как разрешен был спор о происхождении Фета. Его участники опирались либо на достаточно противоречивые мнения и суждения современников из числа лиц, не посвященных в семейные тайны, либо на домыслы первых исследователей Фета, среди которых были и два таких мифомана, как Б. А. Садовской и Н. Н. Черногубов. И только публикация И. А. Кузьминой «Материалы к биографии Фета»,⁸ основанная на письмах брата матери поэта к ее первому мужу и его биологическому отцу И. Г. Фёту, окончательно показала, что Фет был немец по крови, лишь усыновленный А. Шеншиным.

В других случаях подобные споры о том, кто был чьим отцом, могли показаться неуместными, но не в случае Фета, поскольку его совершенно особый склад личности, генотип, выражаясь современным словом, во многом определял и особую жизненную позицию. Ясность, рационализм, с которыми он подходил к рассмотрению житейских и общественных проблем, в сочетании с трудоголизмом, доведенным до азарта (например, купив токарный станок, Фет не мог оторваться от него до глубокой ночи, на что его жена жаловалась в письме брату: «Фет так работает над своим станком, что даже ночи не спит от усталости и от волнения крови» — с. 429), последовательность любых его начинаний, в том числе и связанных с хозяйством, способность заниматься любым делом с удивительной самоотдачей («труд упорный», если пользоваться пушкинским словом), принципиальность (чего стоит его деятельность на посту мирового судьи, описанная в письме к В. П. Боткину — с. 511—512) открывают в Фете прежде всего уникальный для русской культуры человеческий тип. В качестве примера приведем строки из его письма к В. П. Боткину: «В Степановке недостает полноценного корму и соломы. О последней я уже позаботился и привез зимой в Степановку количество равное целому собственному урожаю. И так, если Бог поможет, буду поступать ежедневно, т. е. покупать солому с яростью мономана» (с. 458); «Соломы я купил в нынешнем году видимо-невидимо, и если бы мог успеть свозить ее — купил бы еще. Дом топится соломой, и отлично. Чисто — и тепло, а главное — дешево. В нашей местности топить дровами даже безнравственно» (с. 464). Это страстное отношение к работе отразилось и в известном афоризме Фета:

⁶ О судьбе собранных Н. Н. Черногубовым материалах фетовского архива и биографических мифах, восходящих к нему см.: Асланова Г. Роквое «фетянство» // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55—59.

⁷ См.: Асланова Г. 1) В плену легенд и фантазий // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 175—195; 2) Роквое «фетянство» // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55—59.

⁸ Кузьмина И. А. Материалы к биографии Фета // Русская литература. 2003. № 1. С. 122—142.

«Ничего не делать я не могу. Это выше сил моих».⁹

Точно так же и отношение к деньгам, служившее поводом для подозрений в прижимистости, нельзя понять без учета его жизненной стратегии, заключавшейся в постоянной борьбе за материальную самостоятельность. Приведем суждение человека противоположного склада, но при этом близко знавшего Фета, — Аполлона Григорьева: «По моей исторической философии я даже не называю это скупостью, а скорее *пугливостью* перед жизнью — тем *сжимающим* началом, которое есть в тебе и как в полунемце и как в дите орловской Украины, — началом, которого нет в нас, детях Поволжья...»¹⁰ Фет просто не мог позволить себе жить не по средствам. И Аполлон Григорьев по-своему понимал Фета, не получившего в наследство от отца ни копейки и всю жизнь испытывавшего страх остаться самому и оставить близких людей без средств к существованию.

Нетипичность Фета проявлялась буквально во всем, прежде всего в суждениях о политике, об общественных и гражданских вопросах, о семейной жизни. Чего стоит хотя бы одна из его самоаттестаций: «западник на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко».¹¹ Но при отсутствии кровной связи с Россией, он был, как сказал Пушкин о Фонвизине, «из перерусских русский», т. е. чело-

веком, ощущавшим неразрывную связь со своей страной и культурой.

Для понимания судьбы Фета происхождение значило очень много, это не просто графа в анкете, а ключ к его человеческому и творческому облику, который на самом деле «аршином общим не измерить». Именно поэтому так легко слагались вокруг него всякого рода мифы и легенды, в большинстве случаев принимавшие обвинительный уклон, чему во многом способствовала закрытость Фета. И вот публикация его переписки впервые нарушает эту закрытость, позволяет нам проникнуть в строй его мыслей и чувств, а порой и услышать настоящую исповедь, очень частую в письмах к И. П. Борисову.

В итоге общее значение начатой «Литературным наследством» работы по введению в читательский и исследовательский обиход материалов фетовского архива можно сформулировать достаточно кратко: том в целом и каждая из составляющих его частей выполняют первопродвиженческую миссию в деле изучения творческого пути Фета, ликвидации белых пятен в его биографии, которых больше, чем у кого-либо другого из великих русских поэтов. А общее впечатление от чтения переписки Фета можно охарактеризовать его же словами: «здесь духа мощного господство, здесь утонченной жизни цвет».

В качестве постскриптума к рецензии на новый том «Литературного наследства» хочется упомянуть о грустном факте — в траурной рамке здесь помещено имя Ю. П. Благоволиной, которая была связана с редакцией на протяжении многих лет. Над фетовскими публикациями для этого тома Юлия Павловна работала буквально до самых последних минут своей жизни, и его выход может служить достойным памятником ее самоотверженной деятельности на ниве изучения русской культуры.

© Д. М. Буланин

ТАИНСТВО ИЛИ ИГРА: РУССКАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ И ЕЕ РИТУАЛЫ*

Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

М. Ю. Лермонтов

На какой-нибудь книжной выставке среди множества обложек, сплетающихся в разноцветный ковер, взгляд непременно упа-

дет на книгу А. Байфорда, украшенную групповой фотографией, на которой запечатлено несколько десятков филологов-русистов и

* *Byford A. Literary Scholarship in Late Imperial Russia: Rituals of Academic Institutionalization.* London, 2007. I—XII, 1—188 p. Страницы этой книги указываются далее в тексте.